

КРАХ НАЦИОНАЛЬНО-БУРЖУАЗНОГО РЕФОРМИЗМА В КАЛМЫКИИ (1917—1920 гг.)

М. П. Иванов, А. И. Наберухин

Буржуазное Временное правительство, препятствуя сложившимся нациям (финской, польской) в создании независимых государств, в то же время заигрывало по крайней мере с некоторыми малыми народностями, национальное самоуправление которых не угрожало политическому и экономическому господству русской буржуазии. Такой была, в частности, политика Временного правительства по отношению к Калмыкии. В ее основе лежали политические сделки между русской буржуазией и калмыцкой феодально-буржуазной верхушкой. Эти сделки, заключавшиеся за спиной трудящихся масс Калмыкии и вопреки их интересам, представляли собой типичный образец реформистской политики в национальном вопросе. Но, поскольку «реформистское в национальной программе *не* отменяет *всех* привилегий господствующей нации, *не* создает полного равноправия, *не* устраняет *всякого* национального гнета»¹, такая политика не могла удовлетворить втягивавшиеся в национально-освободительное движение трудовые слои калмыцкого народа. В обстановке углублявшегося в стране революционного кризиса калмыцкое национальное движение раскололось на два крыла: контрреволюционно-националистическое и национально-революционное. И то и другое искали пути решения национального вопроса более радикальными средствами, чем это предлагало Временное правительство. Первое из них вступило на путь борьбы за приобретение национальных привилегий на основе перевода всего калмыцкого населения в казачье сословие, второе сомкнулось с борьбой трудящихся России за установление Советской власти. Буржуазный реформизм в калмыцком национальном движении занимал промежуточное положение между ними. Отстаивая идеи «культурно-национальной автономии», его сторонники усиливали тем самым лагерь белоказачьей контрреволюции. Буржуазно-реформистские представления, медленно изживавшиеся многими деятелями калмыцкого национального движения, привели (уже в условиях Советской власти) к единственному в истории национально-государственного строительства в нашей стране эксперименту «культурно-национальной автономии»². Поскольку ранее «выдумки» вроде «экстерриториальной автономии» нигде в мире не были еще испробованы³ и борьба большевиков против этой программы велась исключительно в теоретическом плане, эта попытка осуществить «культурно-национальную автономию» на практике представляет интерес.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 42.

² В литературе по истории национально-государственного строительства в СССР другие упоминания о подобном рода экспериментах отсутствуют.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 139.

В настоящей статье ставится цель проследить, как возникли соглашательские, реформистские методы «решения» национального вопроса в Калмыкии, вскрыть питавшие их социально-политические корни, на конкретно-историческом материале выявить принципиальную противоположность реформистской и революционной политики, показать неизбежность в обстановке победоносной пролетарской революции краха национально-буржуазного реформизма, особенно в части попыток осуществить на практике программу культурно-национальной автономии. Изучение опыта Калмыкии в этом отношении расширяет общее представление о сложности национального вопроса и поисках путей его решения в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы после ее победы.

Буржуазный реформизм в Калмыкии зародился в период становления калмыцкого национального движения (конец XIX — начало XX в.), в котором одновременно проявились и тяготение к реставрации феодальных привилегий эксплуататорских классов. На его начальном этапе лидеры движения ограничивались лишь постановкой вопроса о свободном развитии калмыцкого языка и демократизации системы народного образования⁴. Первая русская буржуазно-демократическая революция подняла калмыцкое национальное движение на новую ступень. В 1907 г. впервые были сформулированы политические требования его участников. Союз учителей и деятелей народного образования калмыков Области войска Донского «Хальмг тангчин туг» («Знамя Калмыкии») выступил с лозунгом самоопределения и автономии⁵. Тогда же съезд калмыцких скотоводов Астраханской губернии под влиянием феодально-буржуазных элементов поставил вопрос о введении для калмыков воинской повинности⁶. Однако форма, в которую облекалось требование распространения на калмыков воинской повинности (создание в русской армии калмыцких национальных частей либо включение всех калмыков в состав Донского или Астраханского казачьих войск), была антидемократической, реакционной. В условиях царизма национальные воинские части, формировавшиеся из представителей отсталых народов, могли быть использованы для подавления революционных выступлений. Казачья же военносословная организация в руках калмыцкой феодальной знати оказалась бы весьма удобным инструментом консервации отсталых общественных отношений, цементируемых воинской дисциплиной, подчинением рядовой казачьей массы атаманской верхушке.

Пришедшее к власти в результате Февральской буржуазно-демократической революции Временное правительство стало на путь реформы системы управления Калмыцкой степью. Создавая здесь органы местного самоуправления — выборные исполнительные комитеты (центральный, улусные и аймачные), а затем земские учреждения⁷, оно в отличие от царизма пыталось опереться на более широкую социальную базу. Позволяя калмыцкой буржуазно-феодальной верхушке укреплять ее позиции лидера национального движения, Временное правительство тем самым укрепляло и свое собственное положение.

Руководящий орган калмыцкого самоуправления — Центральный исполнительный комитет по управлению калмыцким народом (ЦИК

⁴ См. «Из истории движения за национальную школу в Калмыкии». Сборник документов и материалов. Элиста. 1967.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ Центральный государственный архив Калмыцкой АССР (ЦГА КАСР), ф. 9, оп. 10, д. 1, лл. 57—58. Калмыки, за исключением небольшой части, приписанной к казачьему сословию, после Отечественной войны 1812 г. были лишены права воинской службы, что являлось одним из актов дискриминационной политики царизма в национальном вопросе.

⁷ «Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма». М. 1970, стр. 20—22, 30—32.

УКН), созданный сразу после Февральской революции, стал одновременно и главным органом национального движения. Пользуясь слабостью рабочего движения в Калмыкии, он предпринял попытки подчинить его себе и лишить самостоятельности. С этой целью ЦИК УКН взял на себя урегулирование конфликтов между калмыцкими рыбопромысловыми рабочими и астраханскими рыбопромышленниками. Ему удалось добиться уравнивания в оплате труда рабочих-калмыков с русскими пролетариями⁸. Стремясь сузить размах борьбы рыбопромысловых рабочих разных национальностей, ЦИК УКН и Астраханский союз рыбопромышленников выступили с единых классовых позиций. В ряде затруднительных случаев ЦИК УКН апеллировал даже к Астраханскому Совету рабочих и солдатских депутатов, используя его авторитет и в то же время стремясь уменьшить непосредственные контакты с ним калмыцких рабочих⁹. В самое горячее время весенней путины 1917 г. ЦИК УКН сумел внушить многим калмыцким рыбакам и заводским рабочим иллюзию, что этот орган бескорыстно защищает их интересы.

Аграрные противоречия, теснейшим образом связанные в Калмыкии с проблемой межнациональных отношений калмыков и переселенческого (русского и украинского) крестьянства, феодально-буржуазная верхушка стремилась использовать для того, чтобы подчинить себе калмыцкую крестьянскую массу. Напор переселенческой колонизации испытывали на себе не только широкие массы калмыков, но и часть крупных землевладельцев из числа феодальной знати — нойонов и зайсангов. Последние пытались отстаивать свою земельную собственность под флагом защиты земель калмыков вообще и таким образом придавать своим требованиям видимость общенародных. Показателен в этом отношении демагогический прием, к которому прибег ЦИК УКН, отклонив просьбу русских крестьян села Соленое Займище о распределении сенокосов одного из крупнейших коневодов Калмыцкой степи — зайсанга Б. Онкорова. В просьбе было отказано на том основании, что сенокосным участком пользовался якобы не только зайсанг, но и калмыцкие крестьяне Баруновского аймака Багацохуровского улуса¹⁰. Жонглирование демократической фразой, маскировавшее неспособность (и нежелание) буржуазно-реформистского ЦИК УКН отстаивать интересы бедноты, отражало неразрешимые в условиях господства феодально-буржуазной верхушки в Калмыкии и буржуазного Временного правительства в России противоречия в аграрном и национальном вопросах.

В обстановке растущего недовольства народных масс, вызванного резким ухудшением их материального положения вследствие продолжения первой мировой войны, ЦИК УКН, нойоны и зайсанги вынуждены были принимать меры для сохранения престижа лидеров национального движения. В этих целях нойон Д.-М. Тюмень предоставил 10 тыс. руб. в виде беспроцентного займа населению Сереб-Джаповского аймака на закупку предметов первой необходимости. Еще более значительную сумму, 60 тыс. руб., выдал крупнейший скотовладелец Калмыцкой степи зайсанг Ц. Бадмаев¹¹. «Благотворительная» деятельность нойонов и зайсангов усиливала отчужденность между трудящимися различных аймаков и улусов, затрудняла их объединение для совместной борьбы. Итак, внутренняя слабость рабочего и аграрного движений, с одной стороны, и тактические уловки местной феодально-буржуазной верхушки — с другой, вводили трудящихся Калмыкии в сторону от революционной борьбы. Классовый характер политики феодально-буржуазной верхушки обнаруживался не только в том, что она открыто игнорировала интересы тру-

⁸ ЦГА КАССР, ф. 4, оп. 3, д. 11, лл. 1, 3, 20.

⁹ Там же, л. 132.

¹⁰ Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 1093, оп. 1, д. 46, л. 12.

¹¹ ЦГА КАССР, ф. 4, оп. 3, д. 4, л. 26; оп. 1, д. 871, лл. 13—15.

дющихся, но и в самых разнообразных мероприятиях, имевших целью в конечном счете превратить трудящихся в ее послушное орудие.

По мере укрепления своих позиций феодально-буржуазная верхушка все более активно ставила вопрос о статусе Калмыкии в составе буржуазной России. К лету 1917 г. внутри калмыцкого национального движения определилось два течения: сторонников национально-территориальной и сторонников культурно-национальной автономии. Первые предлагали включить в состав автономной единицы не только калмыцкие улусы, но и русско-украинские селения. Создание такой автономии влекло за собой изменение границ Астраханской и Ставропольской губерний и Области войска Донского¹². Временное правительство отрицательно относилось к требованию образования такой единицы в границах калмыцкого этнического большинства. Вследствие этого среди деятелей калмыцкого национального движения большое распространение получили идеи «духовного» (то есть культурно-национального) единения калмыков. Неспособность ЦИК УКН действовать революционными методами еще более увеличивала число сторонников культурно-национальной автономии. Таким образом, курс на культурно-национальную автономию явился порождением национал-реформизма. Характеризуя программу культурно-национальной автономии, В. И. Ленин, как известно, писал: «Проповедь «культурно-национальной автономии», несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, *разделяет нации* и сближает на деле рабочих одной нации с ее буржуазией»¹³.

Чтобы определить цели калмыцкого национального движения и пути к их достижению, ЦИК УКН в начале июня 1917 г. созвал в Астрахани совещание представителей калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, Донской и Терской областей¹⁴. В основном докладе, с которым выступил представитель калмыцкой интеллигенции, претендовавший на роль теоретика национального движения, Э. Хара-Даван, содержалась программа национально-территориальной автономии. Но Хара-Даван оказался в одиночестве. Никто из делегатов не одобрил в полной мере выдвинутые им идеи; если речь и заходила о территории, то в ее границах автономия все равно мыслилась лишь для представителей калмыцкой национальности; программа автономии гипертрофировалась в идею «чистоты нации». Делегат С.-Г. Хадылов¹⁵, не соглашаясь с Хара-Даваном, утверждавшим, что «объединение должно главным образом бази-

¹² Со времени царизма калмыки были административно разобщены. Наиболее значительная их часть (около 150 тыс. человек) проживала в Калмыцкой степи Астраханской губернии. В Сальском округе Области войска Донского находилось 36 тыс. калмыков, приписанных к казачьему сословию. Большедербетовский улус (9 тыс. калмыков) входил в состав Ставропольской губернии, а в Кумском аймаке Терской области проживало около 4 тыс. калмыков. В промежутки между Калмыцкой степью, донскими калмыцкими станицами и Большедербетовским улусом вклинивались территории, сплошь занятые русскими и украинскими переселенцами. С Калмыцкой степью Астраханской губернии территориально соприкасался только Кумский аймак Терской области.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 140.

¹⁴ Протокол совещания, являющийся источником по истории идейной борьбы в калмыцком национальном движении до Октября, частично использован в работах И. И. Орехова (И. И. Орехов. Размежевание национально-демократического движения в калмыцком обществе в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. «Ученые записки» Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 6. Серия историческая. Элиста. 1968; Н. Иванько, А. Наберухин, И. Орехов. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста. 1968, стр. 29—30. «Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма», стр. 28—29). В освещении хода совещания в указанных работах имеются неточности. Большинству делегатов приписываются не разделявшиеся ими, а зачастую и противоположные взгляды относительно характера автономии.

¹⁵ С.-Г. Хадылов, врач по образованию, после победы Октября отошел от идей культурно-национальной автономии и активно участвовал в укреплении Советской власти.

роваться на принципе территориальности, а потом уже на духовно-культурных началах», пытался доказать, что культурно-национальная автономия «сплотит калмыков, сохранив чисто национальную физиономию». Учитывая отрицательное отношение Временного правительства к объединению калмыцкого народа, делегат от Большедербетовского улуса, один из наиболее демократически настроенных участников совещания, А. Амур-Санан, отметил, что «говорить об объединении легче, чем осуществить его на практике». Поясняя свою позицию, он добавил, что «идею объединения он вполне разделяет, но... весьма скептически относится к возможности объединения ставропольских калмыков с астраханскими, так как, по его мнению, в Учредительном собрании крестьяне будут против объединения девяти тысяч ставропольцев с астраханцами, причина — чересполосица». Возможность устранения территориально-административной чересполосицы калмыцкого и русско-украинского населения Э. Хара-Даван видел на пути переселения всех большедербетовских калмыков в Калмыцкую степь Астраханской губернии. Но это было сопряжено с колоссальными материальными затратами, и поэтому такое предложение не могло встретить сочувствия ни у большедербетовских, ни у донских калмыков. Выражая мнение большедербетовцев, А. Амур-Санан заявил, что невозможно ради объединения «бросать насиженные места и со всем скотом и домашним скарбом тащиться куда-то и за чем-то»¹⁶.

Несмотря на отдельные высказывания в пользу национально-территориального объединения, делегаты от большедербетовских и донских калмыков были сторонниками культурно-национальной автономии. Большедербетовская делегация (Л. Карвин, А. Амур-Санан, А. Михайлов-Идэров) получила от улусного комитета общественной безопасности¹⁷ наказ «только относительно духовно-культурного слияния», а Михайлов-Идэров прямо заявил, что считает «культурно-национальное объединение калмыков самым важным делом, без которого не может создаваться нация». Совещание было поставлено в известность «об отказе донских калмыков от полного объединения, так как они слишком сроднились с казаками», и о том, что «донские калмыки считают объединение возможным только на культурно-духовных началах»¹⁸.

Не встретив одобрения участников совещания, Э. Хара-Даван вынужден был внести в свою программу коррективы и признать культурно-национальное объединение первым шагом к национально-территориальной автономии. Программа национально-территориальной автономии была отвергнута совещанием, что резко уменьшило возможность устранения русско-калмыцких земельных противоречий, сближения трудовых слоев калмыцкого и русско-украинского населения. Итоги совещания свидетельствовали о дальнейшем усилении (из-за позиции Временного правительства) реформистских настроений в подходе к разрешению национального вопроса¹⁹.

Но на совещании наметился и еще более реакционный, нежели программа культурно-национальной автономии, курс перевода всего калмыцкого населения Астраханской губернии в казачье сословие (впервые эта идея была высказана в 1907 г.). С программой «оказачивания» выступил лидер крайне правой группировки калмыцкого национального движения, ярый монархист, нойон князь Д. Туидутов, поддержанный ад-

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 641, лл. 253—254.

¹⁷ Органом управления Большедербетовского улуса являлся указанный комитет, в то время как в других улусах эти органы именовались исполкомами.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 641, лл. 253, 254, 256.

¹⁹ Идеи культурно-национальной автономии воплотились на практике в ходе выборов (сентябрь 1917 г.) в земские органы самоуправления: в Калмыцкой степи Астраханской губернии в них участвовали, за редким исключением, избиратели только калмыцкой национальности.

вокатом Н. Очировым. Их выступления вызвали вначале возражения, правда, довольно умеренные, ряда делегатов. А. Амур-Санан, в частности, считал «казачество, как таковое, отжившим» и утверждал, что «крестьянство (русско-украинское.— *Авт.*), являясь противником казачества, гораздо сильнее казачества, и потому целесообразнее вступить в единение с крестьянством на мирных началах»²⁰. Эта интернационалистическая позиция Амур-Санана, несмотря на нечеткость его политических формулировок, отражала демократические настроения трудовой калмыцкой интеллигенции, выразившей в конечном счете интересы трудящихся. Сам он и подобные ему деятели по мере углубления революционных событий быстро эволюционировали в сторону Советов и большевизма.

Вдохновители «казачьего курса» пытались соединить в своей программе идеи культурно-национальной и национально-территориальной автономий. Сторонников национально-территориальной автономии они привлекали в свой лагерь тем, что главное препятствие — чересполосицу — можно было теперь не принимать во внимание²¹. Из культурно-национальной программы они заимствовали принцип чисто национального объединения: казачью Калмыкию они намеревались строить как чисто национальную часть Астраханского казачьего войска, основывающуюся на национальных землях и управляющуюся национально-казачьей администрацией. Но, устраняя необходимость считаться с чересполосицей, авторы проекта отвергали важнейший принцип национально-территориального объединения — включение в состав национальной единицы не только национального большинства (калмыков), но и национального меньшинства (русско-украинского населения). Этот проект, по существу, означал бы повторение в более грандиозных масштабах печального опыта межнациональных отношений, сложившихся в Сальском округе Области войска Донского, где владевшие юртовыми землями калмыки-казаки противостояли массе «иногородних» — безземельных русских и украинцев.

С наступлением в стране реакции после июльского кризиса 1917 г. усилилось движение нойно-зайсангской верхушки под лозунгом перевода калмыцкого народа в казачье сословие. Этот откровенно контрреволюционный курс стал определяющим в деятельности ЦИК УКН, что явилось естественным результатом всей его предшествующей реформистской политики. Но он был неприемлем для Временного правительства, которое стремилось увековечить в Калмыцкой степи наиболее удобное и выгодное для него буржуазное земское самоуправление. Создание 1 июля Степной области калмыцкого народа с правами губернской единицы и последующим введением в ней земства было самой крупной уступкой Временного правительства калмыцкому национальному движению, но одновременно этим актом закреплялась территориальная разобщенность Калмыкии, что отвечало интересам русского капитала, и прежде всего переселенческого кулачества²². Это была политика великодержавного шовинизма, противоречившая чаяниям калмыков о воссоединении и не устранявшая острых и мучительных для калмыцких трудящихся аграрно-национальных конфликтов.

Постепенное вовлечение в калмыцкое национальное движение крестьянства «как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»²³ усиливало противо-

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 461, л. 256.

²¹ Там же, л. 255.

²² В состав Степной области калмыцкого народа были выделены: из Астраханской губернии — Калмыцкая степь, из Терской области — Кумский аймак.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 264.

речия между феодально-буржуазной верхушкой с ее приспособленческой политикой и не удовлетворенными ею крестьянскими массами, на которые она пыталась опереться. Однако разжигать националистические чувства у калмыцкого крестьянства ЦИК УКН удавалось с большим трудом. Член ЦИК буржуазный националист С. Баянов сокрушался по этому поводу, заявляя, что «масса, как нация, никуда не годна», и призывал «встряхнуть массу»²⁴. С принятием «казачьего курса» апелляция ЦИК УКН к народным массам делалась ненужной. Калмыцкому крестьянству была обещана только неприкосновенность земель, но об участии трудящихся в общественной жизни не было теперь и речи. Калмыцкая феодально-буржуазная верхушка от реформистской политики, которую она маскировала демократической фразой, перешла к откровенно контрреволюционному радикал-национализму. Она вступила в союз с русскими помещичье-монархическими кругами, наиболее реакционными группами российской буржуазии, контрреволюционным генералитетом русской армии и верхами казачьих войск, делавшими ставку на ликвидацию буржуазных свобод и установление открытой военной диктатуры в стране. Лозунг автономии, под которым калмыцкое национальное движение выступало до июля 1917 г., был выброшен за борт. Так в Калмыкии провалилась попытка решить национальный вопрос средствами буржуазного реформизма. «Казачий курс» представлял собой реакцию феодально-буржуазных элементов Калмыкии на соглашение с Временным правительством, не оправдавшее себя в их глазах.

После разгрома корниловщины роль ударной силы в борьбе против надвигавшейся социалистической революции взял на себя созданный в сентябре — октябре 1917 г. контрреволюционный «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», ядром которого являлись Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. В состав «Юго-Восточного союза» тундутовцы всеми силами стремились втянуть и калмыков²⁵. По рекомендации лидера контрреволюционных верхов казачества донского атамана Каледина круг Астраханского казачьего войска 26—30 сентября высказался за вхождение калмыков в его состав на федеративных началах. Калмыцкая степь, разделявшая Донское, Терское и Астраханское казачьи войска, была необходима учредителям «Юго-Восточного союза» для осуществления их далеко идущих контрреволюционных целей, которые определил член Союза казачьих войск России П. В. Колоколов: «Принимая калмыков, мы делаем огромное дело объединения русского казачества в территориальном отношении. Терцы, кубанцы, донцы тогда не будут отделены от нас чужою Калмыцкою степью, и мы подадим руку уральцам и оренбуржцам»²⁶.

Таким образом, в Калмыкии столкнулись два направления национальной политики: буржуазно-реформистский земский курс Временного правительства и военно-сословной «казачий курс» ЦИК УКН, — но оба националистические и реакционные. Первый обрел уже конкретную реальность в виде Степной области калмыцкого народа, второй проходил только стадию организационного оформления. Сначала, пока «казачий курс» еще не имел собственной базы, ЦИК УКН пытался приспособиться к земской политике Временного правительства и использовать ее в своих интересах (под ширмой земской выборной кампании, например, готовилась замена земства казачьей администрацией)²⁷.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 641, л. 256.

²⁵ «Астраханский листок», 4.IX.1917; «Вольный Дон», 26.IX.1917.

²⁶ «Астраханский вестник», 3.X.1917.

²⁷ Эти попытки отчетливо проявились на совещании калмыцкой интеллигенции в августе 1917 г.: созванное для обсуждения вопросов о подготовке к земским выборам, совещание приняло решение широко пропагандировать идею перехода калмыков в казачество («Астраханский листок», 17.VIII.1917).

Пока вопрос о переходе в казачество еще не был окончательно решен, активные сторонники этого курса принимали участие в земской кампании, включив фамилии своих кандидатов в земские списки. Ярким показателем столкновения земского и «казачьего» курсов явился провал на выборах в Малодербетовском улусе нойона Тундутова и избрание председателем улусной земской управы народного учителя А. Чапчаева, в будущем активного борца за установление Советской власти в Калмыкии²⁸. Это было одним из свидетельств появления национально-демократической оппозиции, положившей начало становлению национально-освободительной борьбы трудовых масс и зарождению революционного крыла калмыцкого национального движения. Однако силы его оказались недостаточными, чтобы предотвратить перевод калмыков в казачество. Тундутовцы включили калмыков в Астраханское казачье войско, а через него в «Юго-Восточный союз» в декабре 1917 года. Калмыцкая феодальная знать и нарождавшаяся буржуазия попытались повести калмыцкий народ против социалистической революции — единственной революции, способной освободить его от национального угнетения.

Установление Советской власти в калмыцких улусах (декабрь 1917 — март 1918 г.) положило начало осуществлению в Калмыкии ленинской национальной политики. Аграрная политика диктатуры пролетариата, исходившая из ленинского Декрета о земле и последующих законодательных актов Советского правительства, создала в Калмыцкой степи реальные предпосылки образования наиболее прогрессивного типа автономии — национально-территориальной, построенной на советских, социалистических основах. Ликвидация деления общества на сословия, изменение территориально-административного устройства Советской России с учетом экономического тяготения районов, бытовых особенностей и национального состава населения открыли возможность для объединения всех частей Калмыкии, разделенных раньше административными границами и принадлежностью к разным сословиям. В условиях действия этих факторов национальное движение в Калмыкии приобретало иной характер, а по мере решения наиболее сложных и острых национальных проблем постепенно исчезли и самые корни национального движения. Место его заняли планомерное национально-государственное строительство, которое проводилось Советами сверху донизу, мероприятия Советской власти в области экономики и культуры.

За время с марта 1918 по ноябрь 1920 г., когда была образована Калмыцкая автономная область, были решены важнейшие национальные проблемы, доставшиеся Калмыкии в наследство от прошлого. Однако в практике национально-государственного строительства тех лет встречались значительные трудности. Национальный вопрос решался вначале порознь в отдельных частях Калмыкии. С 5 марта 1918 г. управление Калмыцкой степью было сосредоточено в Калмыцкой секции исполкома Астраханского губернского Совета. В состав секции вошли представители революционной демократии, полностью ставшие на позиции Советской власти (А. Ч. Чапчаев, К. Д. Никитин), и мелкобуржуазного реформизма (Э. Хара-Даван). До тех пор пока Советы в Калмыкии не превратились в подлинные органы диктатуры пролетариата на местах, об автономии говорить было рано. Но Калмыцкая секция до воссоединения калмыцких земель и создания автономии стремилась образовать хотя бы национально-территориальный уезд в границах Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Тенденции к конструированию местных органов самоуправления с пропорциональным представительством национальностей и учетом их интересов проявились в ряде местностей Калмыцкой степи еще в период

²⁸ ЦГА КАССР, ф. 4, оп. 1, д. 7, л. 11.

перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Именно на таких началах, которые враждебно воспринимались последователями идей культурно-национальной автономии, возник временный исполком поселка Калмыцкий Базар²⁹, а также временный объединенный исполком Иницохуровского улуса³⁰. Осенью в улусе сложилась своеобразная ситуация: окружное казачье правление во главе с зайсангом Г. Балзановым распространило свою власть на калмыцкую часть населения, тогда как население русско-украинских поселков Яшкуль и Чилгир осталось на прежнем положении крестьян и мещан. Параллельно с казачьим правлением продолжал функционировать объединенный русско-калмыцкий исполком во главе с большевистски настроенным солдатом А. А. Калюжным, объединяя не только русское население, но и часть калмыков, которая не поддерживала казачество. Объединенный улусный русско-калмыцкий Совет, заменивший в феврале 1918 г. временный объединенный исполком, последовательно придерживался интернациональной линии своего предшественника. В апреле он удовлетворил просьбу крестьян русско-украинского села Улан-Эрге, занимавшего «островное» положение в Калмыцкой степи, и включил его в состав улуса с характерной формулировкой: «На равных с нами правах, как селян, поселившихся в пределах Калмыцкой степи и пользующихся землей на калмыцкой нашей земле»³¹. Важно отметить, что и калмыцкое и русское крестьянство в равной степени сознавало свою принадлежность к общей для них административно-территориальной единице — улусу и Калмыцкой степи в целом.

Аналогичные Советы создавались и в других местах совместного проживания калмыков и русских: Элистинский окружной (впоследствии уездный), Большедербетовский улусный, Архангельский сельский (Енотаевского уезда Астраханской губернии), Куберлеевский районный, Платовский станичный (два последних — Сальского округа Донской области). Широкое распространение объединенных Советов свидетельствовало об определенной закономерности в действиях трудовых слоев русско-украинского и калмыцкого крестьянства: они стремились решать национально-земельный вопрос на взаимовыгодных началах, а этого можно было достичь лишь на пути национально-территориального объединения.

В отличие от большинства русско-украинского крестьянства «островных» сел, которые ясно выразили свое стремление войти в состав улусов, крестьяне сел, граничивших с Калмыцкой степью, ввиду малоземелья также заинтересованные в хозяйственном использовании калмыцких земель, не видели вначале иного способа объединения с калмыками, кроме поглощения улусов и аймаков русско-украинскими уездами. Эта тенденция впоследствии, летом 1919 г., была осуждена в постановлении СНК РСФСР «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа», подписанном В. И. Лениным. В постановлении указывалось, что «при землеустройстве, расселении и колонизации будут приняты все меры защиты экономически слабых и культурно отсталых элементов калмыков от подавления их более сильными группами населения, в том числе и самовольно присвоившими землю в революционный период»³². Под «сильными группами» подразумевалось прежде всего русско-украинское кулачество, создавшее свою экономическую мощь на базе развития овцеводства в Калмыцкой степи. Весной 1918 г. оно верховодило в переселенческой деревне и было главным противником образования единого национально-территориального Калмыцкого уезда. Оно стремилось расчленить Калмыцкую степь и во вновь созданных более мелких

²⁹ И. И. Орехов. Указ. соч., стр. 19—20.

³⁰ Н. Иванько, А. Наберухин, И. Орехов. Указ. соч., стр. 51.

³¹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО), ф. 55, оп. 5, д. 48, л. 17.

³² «К истории образования автономной области калмыцкого народа». Сборник документов и материалов. Элиста. 1960, стр. 61.

уездах упрочить свое экономическое и политическое влияние. В наиболее неприкрытой форме кулацко-шовинистическая точка зрения на решение земельно-национального вопроса была высказана в июле 1918 г. на II чрезвычайном съезде Советов Черноярского уезда Астраханской губернии, предложившем калмыцкому народу «отказаться от создания отдельной калмыцкой административной единицы»³³.

Несмотря на это, председатель Калмыцкой секции Хара-Даван, находившийся в плену реформистских представлений, слепо продолжал политику сделок с переселенческим кулачеством. Его позиция вступила в резкое противоречие с национальной политикой Советской власти, и он был вынужден покинуть свой пост и вскоре перешел в стан белогвардейцев. Политическое банкротство бывшего теоретика калмыцкого национального движения наглядно показало, что эксплуататорские классы не в состоянии решить национального вопроса. Освободившись от буржуазных деятелей — временных попутчиков социалистической революции, калмыцкое национальное движение, опираясь на поддержку Советского правительства, постепенно преодолевало враждебные советскому типу автономии тенденции, в том числе уклон в сторону «культурно-национального» объединения.

После победы Советской власти в практике решения национального вопроса в Калмыкии наиболее сильно идеи «культурно-национальной автономии» проявились в Большедербетовском улусе. Это объяснялось прежде всего приверженностью к «культурно-национальной» программе руководящих улусных деятелей периода Временного правительства, вошедших в состав улусного Совета. Кроме того, руководящая роль в идейной жизни улуса принадлежала мелкобуржуазному просветительному обществу «Улан Залата» во главе с Л. Карвиным. Сам он и его сторонники проповедовали теорию «нейтрализма», согласно которой калмыки в интересах самосохранения должны были отказаться от политической борьбы и сотрудничать с любой властью³⁴.

На платформе «культурно-национальной автономии» для калмыков ввиду недостаточной теоретической зрелости в вопросах национальной политики стоял и ряд губернских советских органов. В январе 1918 г. совещание при губернском комиссаре земледелия взяло на себя инициативу «просить губернский исполнительный комитет об отмене своего постановления, дающего инородческим территориям право уезда», и предложило губисполкому «дать инородцам право на самоопределение в смысле только административном и культурно-национальном». В соответствии с этими предложениями граница Большедербетовского улуса была упразднена, его территория вошла в соседний русско-украинский Медвеженский уезд и временно, на период проведения земельной реформы, вместе с окружавшими ее русскими селами выделена в особый район. Все земли этого района подлежали полному перераспределению под руководством специального органа — уездного районного земельного отдела при исполкоме Медвеженского уездного Совета. Перераспределение производилось по принципу предоставления «как калмыку, так и крестьянину (русским и украинцам.— Авт.) равных норм земли»³⁵. На этой основе и начала осуществляться в уезде земельная реформа. То обстоятельство, что русско-украинские крестьяне занимались и скотоводством и земледелием, а калмыки только скотоводством, носившим экстенсивный характер и поэтому требовавшим обширных пастбищ, при этом не учитывалось. В результате «культурно-национальная автономия» стала орудием эксплуататорских устремлений русско-украинского кулачества.

³³ ГАВО, ф. 55, оп. 5, д. 11, л. 65.

³⁴ «Ставропольские ведомости», 9.XII.1918.

³⁵ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. р-397, оп. 1, д. 1973, л. 1; ф. р-2567, оп. 1, д. 3, л. 5.

В связи с ликвидацией улуса как территориально-административной единицы и передачей земельного дела в ведение Медвеженского уездного исполкома Большедербетовский объединенный русско-калмыцкий улусный Совет распался на два национальных органа: улусное управление (калмыцкое) и исполнительный комитет русско-украинского народонаселения Большедербетовского улуса. Каждый из них ведал вопросами народного образования, здравоохранения и т. д.³⁶ «Изъятие из ведения государства» школьного и т. п. дела и передача его нациям,— указывал В. И. Ленин,— означает как раз попытку *отделить* от сливающей нации экономики наиболее, так сказать, идеологическую область общественной жизни, где всего легче «чистая» национальная культура или национальное культивирование клерикализма и шовинизма»³⁷. «Культурно-национальная автономия» усилила разъединение трудового калмыцкого населения и беднейшего русско-украинского крестьянства Медвеженского уезда, несмотря на единство классовых интересов, противопоставила их друг другу и вместо разрешения национального вопроса лишь непомерно осложнила его.

«Культурно-национальная автономия» не могла привести ни к чему иному, как к росту националистических настроений и среди калмыков и среди русско-украинского населения. Опыт ее осуществления в Большедербетовском улусе, исключавший экономические вопросы из комплекса национальных проблем, привел к сокращению числа ее сторонников, особенно среди калмыков. Председатель улусного управления Л. Карвин вынужден был признать «нежизненность, нелогичность земельной реформы на территории инородцев Ставропольской губернии», проводившейся без учета национальных особенностей³⁸. Это признание явилось началом отхода Л. Карвина от программы «культурно-национальной автономии». Однако груз теоретических заблуждений привел его на позиции чисто национального объединения и ущемления на практике русско-украинского меньшинства в восстановленном после освобождения от белогвардейцев Большедербетовском улусе³⁹.

На основе ленинского воззвания «Братья калмыки!» от 22 июля 1919 г.⁴⁰ народное собрание Большедербетовского улуса в марте 1920 г. приняло решение воссоединить его с Калмыцкой степью⁴¹. Считаясь с волей калмыцкого населения, Ставропольский губернский ревком 22 марта утвердил это решение и категорически отверг предложение шовинистически настроенного русско-украинского кулачества Медвеженского уезда выселить калмыков с территории улуса за р. Маныч, в пределы Астраханской губернии⁴². Интернациональной линии губревкома исполняющий обязанности председателя улусного исполкома Л. Карвин противопоставил крайне националистический курс. Извращая принципы национально-территориальной автономии, на которых создавалась Калмыцкая автономная область, он заявил, что в Калмыцкой степи теперь якобы образуются «чисто национальные советские учреждения, без вхождения в них представителей других национальностей». Карвин предлагал, чтобы русско-украинское население улуса образовывало Советы или ревкомы только хуторского типа, подчиненные при этом не улусному Совету, а исполкому Медвеженского уезда⁴³. Так закончилась полити-

³⁶ Там же, ф. р-324, оп. 2, д. 2, л. 3.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 134.

³⁸ «Ставропольский инородец», 14.V.1918.

³⁹ Большедербетовский улус находился в руках белогвардейцев с августа 1918 по февраль 1920 года.

⁴⁰ См. «К истории образования автономной области калмыцкого народа», стр. 58—61.

⁴¹ ЦГА КАССР, ф. р-102, оп. 3, д. 64, лл. 39—40.

⁴² ГАСК, ф. р-100, оп. 1, д. 48, лл. 19, 71.

⁴³ Там же, ф. р-210, оп. 1, д. 127, л. 116.

ческая эволюция этого деятеля, стремившегося вначале урегулировать земельно-национальные отношения в Калмыкии на основе равенства и сотрудничества населяющих ее народов и превратившегося в конце концов в яркого шовиниста. А. Амур-Санан, хорошо знавший Карвина, писал в середине 20-х годов: «Этот, казавшийся мне тогда прогрессивным во всех отношениях, человек, калмыцкий и крестьянский «печальник», впоследствии оказался по ту сторону октябрьских баррикад. Дооктябрьский Карвенев совсем был непохож на послеоктябрьского Карвина»⁴⁴. Политика руководимого Карвиным улусного исполкома до крайности ухудшила земельное положение переселенческого крестьянства и была исправлена только после провозглашения автономии Калмыкии в июле 1920 года. Попытка ввести в Большедербетовском улусе «культурно-национальную автономию», но уже не для калмыцкого, а для русско-украинского населения, стала заключительным аккордом антинародной политики национально-буржуазного реформизма в Калмыкии.

В области национально-государственного строительства Коммунистическая партия и Советское государство практически воплощали в жизнь ленинское учение по национальному вопросу. Отход от принципов советской национальной политики в Калмыкии, попытки осуществить здесь «культурно-национальную автономию» объяснялись социально-экономической и культурной отсталостью калмыцкого народа, слабостью национального отряда рабочего класса и еще малочисленных молодых коммунистических ячеек, что обуславливало на первых порах участие буржуазно-демократических элементов в национально-государственном строительстве. Опыт решения национального вопроса в Калмыкии еще раз подтвердил, что реформизм изживается только путем устранения политического влияния буржуазии. Образование Калмыцкой автономной области, дальнейшее развитие национальной государственности, восстановление народного хозяйства, коренные социалистические преобразования в экономике и культуре окончательно уничтожили те классовые корни, которые питали буржуазный реформизм. В результате победы социализма в СССР, братской помощи русского и других народов нашей страны Советская Калмыкия успешно ликвидировала тяжелое наследие прошлого и из края экстенсивного кочевое скотоводства превратилась в цветущую социалистическую автономную республику с развитой индустрией, крупным механизированным сельским хозяйством, национальной по форме, социалистической по содержанию и интернационалистской по духу культурой.

⁴⁴ А. М. А м у р - С а н а н. Мудрешкин сын. М. 1966, стр. 88.